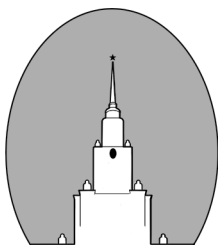


Евгения
ГОРСКАЯ

СУДЬБУ СЛУЧАЙНО
НЕ ВСТРЕЧАЮТ



МОСКВА
2024



Евгения
ГОРСКАЯ

СУДЬБУ СЛУЧАЙНО
НЕ ВСТРЕЧАЮТ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г70

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Горская, Евгения.

Г70 Судьбу случайно не встречают : [роман] /
Евгения Горская. — Москва : Эксмо, 2026. —
352 с.

ISBN 978-5-04-205666-6

Они с детства были неразлейвода — три подруги: веселая озорница Кира, капризная красавица Аля и добродушная умница Маша. Старший брат Киры Денис не воспринимал девчонок всерьез и не замечал влюбленной в него Маши, а она не смела обратить на себя его внимание. В отличие от самоуверенной Али... Но жизнь сложилась совсем не так, как они представляли в мечтах, — Денис насмерть сбил человека, и его осудили. Это стало концом дружбы трех девушек: Кира замкнулась в себе и своей беде, Маша полюбила другого, Аля успешно вышла замуж и родила сына. Но едва Денис освободился из заключения, его застрелили! И это преступление вновь свело подруг вместе, ведь убийство Кириного брата навсегда изменило жизнь каждой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горская Е., 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-205666-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Я люблю хорошие книги про «обычных» людей!

Речь сейчас не идет о по-настоящему сложной, большой литературе, которая поднимает самые серьезные и страшные вопросы — быть или не быть; тварь ли я дрожащая или право имею; что делать и кто виноват? Все это вопросы, поставленные писателями в разное время и в разных книгах, и ответов на них нет до сих пор — и вряд ли появятся.

Вернее, так: в тот день, когда человечество поймет, как на них отвечать, оно, это самое человечество, и кончится. Ибо ему, человечеству, нечем станет заняться — не рассматривать же всерьез в качестве занятия улучшение качества селфи, прием витаминов для омоложения и постановку «Трех сестер» в новом, революционном прочтении!.. Вышеперечисленное не имеет никакого смысла, а вот эти вопросы — имеют!

Беллетристика была, есть и будет всегда — покуда не закончится цивилизация. Несмотря на то что она не поднимает вселенских вопросов и не создает исполинов духа, «литература для чтения» необходима любому человеку, даже самому высокообразованному, — чтобы неожиданно для себя, сидя с книжкой в метро или на даче, вдруг засмеяться или заплакать, заду-

маться о чем-то, вспомнить хорошее и порадоваться, что все впереди, вспомнить плохое и еще раз порадоваться, что оно миновало, посочувствовать героям, невзлюбить злодеев. Это и есть — человечность.

Кстати сказать, это очень человеческое занятие — описывать себе подобных, разбираться в их судьбах, рассуждать о поступках, рассматривать с разных сторон. Так вот, я не люблю, когда «книги для чтения» написаны плохо и повествуют невесть о ком — я не знаю таких людей, потому что их, таких, не бывает!..

Мне нравится в книгах Евгении Горской, что ее герои — не только обычные, но и самые настоящие люди! Они живут самой обыкновенной жизнью и словно получают от автора задание — разобраться в темной запутанной истории и получить правильный ответ. И награда за усилия — любовь, новое понимание жизни, уверенность в собственных силах. Это достойная награда, доложу я вам!..

Татьяна Устинова

Дождь лил с утра, и это было кстати. Человек вошел в подъезд, прикрываясь зонтом. Он не знал наверняка, есть ли в подъезде камеры, но, ожидая лифта, делал вид, что складывает зонт, держа его над головой. Ни в одну камеру не должно было попасть его лицо.

Ему повезло, в подъезд никто не вошел. В лифте он опустил зонт, доехал до нужного этажа. Достал из кармана бумажный носовой платок, обернул им палец и нажала кнопку звонка нужной квартиры.

Ему открыли быстро, и он вошел внутрь, стараясь ни к чему не прикоснуться.

Все заняло минуту. В лифте он опять не полностью раскрыл зонт и, прикрывая им лицо, вышел на улицу.

Лило как из ведра, противно завывал ветер, трещало дерево сбоку, и человек еле удерживал зонт.

15 августа, понедельник

Такого ливня, как накануне, не было за всю историю метеонаблюдений. Так, во всяком случае, говорили в новостях. Дождь шел сутки, практически без перерывов, подтопил множество улиц, едва не привел к транспортному коллапсу или даже привел, Кира толком не поняла.

Она ждала брата Дениса, которого не видела почти четыре года. Кира ждала его еще вчера, потому что вчера у нее был день рождения и Дениска обещал обязательно заглянуть.

Ей не хотелось встречаться с братом. Она боялась его увидеть.

Брат недавно освободился из заключения.

Вчера Денис так и не приехал. Звонить ему Кира не стала, в одиннадцать легла спать. Но утром все-таки позвонила. Сначала на городской номер старой родительской квартиры, потом, когда ей никто не ответил, на мобильный и слушала длинные гудки, пока ей не объяснили, что абонент не отвечает.

Она старалась не помнить о Денисе все эти годы, и ей это почти удавалось. Кира перестала общаться со старыми знакомыми, устроилась на работу в другом районе города — администратором в маленький салон красоты — и почти не появлялась в родительской квартире, чтобы, не дай бог, не столкнуться с соседями и избежать дурацких вопросов.

День прошел как обычно. Клиентов в салоне было немного, и потому что лето, все в отпусках, и потому что кризис. Кризис ощутимо бил по населению. Даже у парикмахерши Марины, мастера очень высокого класса, было пустое часовое окно.

Кира Маринку любила. За доброту и жизнерадостность и еще за то, что рядом с ней отчего-то становилось легко и спокойно. Марина весь свободный час просидела около Киры, сетовала, что сын-шестиклассник никак не хочет учить математику, поскольку намерен работать исключительно в полиции, как папа.

— Ты ему скажи, — посоветовала Кира, — что математика хорошо мозги тренирует. Математика — это логика, а логика полицейскому точно нужна.

— Да я это и говорю, Кир. — Марина внимательно посмотрела на Киру и вздохнула. — Неприятности?

— Нет, — отрезала Кира. — С чего ты взяла?

— Да так, — улыбнулась подруга. — Ни с чего. Вроде ты грустная. Извини.

Конечно, она грустная. Она уже четыре года грустная.

У нее брат-уголовник.

Наконец явилась Маринкина клиентка. Кира заулыбалась, предложила чай-кофе, клиентка, ясное дело, отказалась.

Больше никто на сегодня не записывался. Кира поскучала, читая в Интернете всякую ерунду, когда в дверь салона толкнулся какой-то парень. Охраны в салоне не было, поэтому дверь держали запертой и открывали, когда клиенты звонили в звонок. Кира протянула руку к находившейся под столом кнопке, отпирающей электронный замок.

— Извините, мне бы к стоматологу. — Парень оказался мужчиной лет тридцати пяти в джинсах, футболке и почти незаметных очках. Очки тянули на половину Кириной зарплаты.

Кира таких мужиков терпеть не могла. Такие остались в прошлой жизни. Сейчас она уютно чувствовала себя с шоферами, охранниками и курьерами, которые привозили в салон шампуни и прочую косметику.

— Стоматология рядом, — буркнула Кира. — Соседняя дверь.

Мужчина вышел, она опять уткнулась в экран компьютера.

Простились и ушли косметолог и маникюрша. Марина наконец-то проводила преображенную клиентку. Кира похвалила стрижку.

Через несколько минут упорхнула и Марина, уборщица Зиля провозилась еще с полчаса, Кира еле дождалась, когда она перестанет водить шваброй по полу.

Со вчерашнего дня заметно похолодало. Запирая дверь, она впервые за несколько недель почувствовала, что мерзнет на холодном ветру. После холодного июня июль и август побаловали, тепло было даже ночью.

Закапал дождь. Кира остановилась на скользких ступенях крыльца, принялась шарить в сумке, наконец нащупала зонт, достала.

Мягко хлопнула соседняя дверь, из стоматологии вышел давешний мужик, скептически покосился на Киру и неожиданно предложил:

— Давайте я вас подвезу, у меня машина.

— Спасибо, — улыбнулась ему Кира. — Сама дойду.

Мужчина пожал плечами, сбежал с крыльца.

Ветер, казалось, дул со всех сторон. Дождь усилился. Прямо на глазах образовались лужи, одну пришлось обходить по краешку газона. Узкий бордюр оказался скользким, и Кира чуть не шлепнулась прямо в грязную воду.

Скромная «Гойота» обогнала ее у поворота к метро.

— Садитесь, — приоткрыл дверь посетитель стоматологии.

Вид у него при этом был такой, как будто он подбирает нищенку с паперти: и доброе дело совершать

неохота, и совесть не дает бросить на произвол судьбы несчастное существо.

Наверное, из-за того, что смотрел он на нее хмуро и разговаривал без особой симпатии, Кира и села к незнакомцу в машину. Цену улыбкам она хорошо знала, сама растягивала губы с утра до вечера.

— Куда?

Сзади посигналили, мужчина тронул машину, свернул в сторону центра.

— К метро.

— Да ладно вам, — поморщился он. — Говорите адрес. Может, нам по пути.

Кира планировала ехать домой, чтобы поскорее залечь в горячую ванну, почитать что-нибудь или послушать музыку, но неожиданно назвала адрес родительской квартиры.

Она встретится с братом и опять о нем забудет.

Решение было правильное, ей стало спокойнее. Все-таки странно, что вчера Денис так и не объявился, раньше он был очень пунктуален. Впрочем, раньше он не был уголовником.

Раньше она очень любила брата. Гордилась и хвасталась им, и ужасно ревновала к подруге Але. Алька считалась его девушкой.

Мужчина ехал молча, и Кира неожиданно заговорила сама. Обычно она помалкивала. Привыкла помалкивать за последние четыре года.

— Заболел зуб?

— Заболел, — подтвердил он, даже не посмотрев на Киру.

— И как? Вылечили?

Он свернул на Садовое. Когда-то Кира считала, что всегда будет жить в центре, и долго не могла привыкнуть к бабушкиной квартире в не слишком отдаленном, но все-таки чужом районе.

— Поставили временную пломбу.

Водитель был не намерен поддерживать разговор. Ну и черт с ним. Кира принялась рассматривать дома и редких прохожих и чувствовала себя дальней странницей, случайно занесенной в некогда знакомые места.

— Какой подъезд? — Машина уверенно свернула в арку между домами.

Под этой аркой Кира впервые поцеловалась со своим однокурсником, в которого была влюблена год до этого. И здесь же осталась одна, когда сказала ему, что у нее посадили брата.

Любимый тогда сразу куда-то заторопился, чмокнул ее в лоб, обещал позвонить и больше не звонил.

— Следующий, — показала Кира и замялась, держась за ручку двери.

— Я не подрабатываю извозом, — усмехнулся мужчина — догадался, что она сейчас предложит ему деньги, и от этого Кире впервые за много времени стало весело.

— Спасибо. — Она быстро вышла из машины и добежала до подъезда.

Дом показался чужим, незнакомым, наверное, потому что недавно заменили лифт.

Кира была здесь чуть больше месяца назад, перед приездом Дениса. Брат сообщил, что освободился и приедет, она отправилась в родительскую квартиру, вытерла пыль, купила кое-какие продукты. Запасные

ключи от квартиры оставила на гвоздике рядом с дверью, а саму дверь не заперла. Код от подъезда сбросила брату эсэмэской.

Она не заволновалась, когда Денис не открыл. Только разозлилась на себя, и за то, что приехала, и за то, что перед этим не позвонила, и за то, что явилась даже без ключей.

От злости и дернула ручку двери, и даже сразу не поняла, что дверь не заперта.

Дениса она нашла лежащим на полу в коридоре. Уже засохшая кровь образовала небольшую лужу на старом паркете, который давно нужно было заменить.

Отпускное время уходило, а Маша ничего из намеченного сделать не успевала. Вообще-то в отпуск они с Павлом собирались поехать куда-нибудь на море, но фирме, в которой Павел работал, удалось заключить срочный контракт, и нормальный отдых не состоялся. Муж чувствовал себя виноватым, смотрел на нее с видом нашкодившей собаки, и Маша безуспешно уверяла его, что прекрасно проведет время на даче.

На самом деле она могла прекрасно провести время и в Москве.

Так и вышло. Ежедневно ездить на работу из Подмосковья Павел не мог, на дорогу уходило слишком много времени. А время муж предпочитал отдавать работе, тем более что работа была срочной и ответственной.

Одной на даче Маше было скучно, и она целыми днями валялась с книжкой в пустой квартире.

— Походи хотя бы в бассейн, — уговаривал Павел.

— Лень, — честно отвечала Маша.

С ним она поехала бы в бассейн с удовольствием. С ним она куда угодно поехала бы, а одной действительно не хотелось.

Так и вышло, что всю жару она провела в городе под кондиционером, а когда собралась хотя бы на пару дней все-таки выбраться за город, похолодало и пошел дождь.

Маша в очередной раз посмотрела за окно и вздохнула. Съездить на дачу было нужно. Собрать немногие созревшие ягоды — год выдался неурожайным, да и просто присмотреть за участком и домом.

Ехать же в выходные было особенно неудобно, потому что в эти дни за город ехала вся Москва и дорога удлинялась в разы.

Дождь не утихал. Маша опять улеглась на диван, жалея, что новый американский детектив скоро кончится. Павел предупредил, что задержится, и она с тоской посмотрела на часы.

Телефон зазвонил, когда главная героиня решала, белую или голубую блузку ей надеть на встречу с молодым человеком.

— Да, Кира. — Маша удивилась ее звонку.

Она только вчера звонила Кире, поздравила с днем рождения и, как обычно, убедилась, что Кире не нужны ни ее поздравления, ни она сама.

Подруга говорила, негромко и четко произнося слова, а Маше показалось, что она слышит не о чужом несчастье и горе, а ее саму из новой уютной квартиры засасывает куда-то в темное, неизведанное и страшное. Думать о себе в такой момент было отвратительно, и она быстро сказала:

— Я сейчас приеду. Кира, я сейчас приеду.

До района, где они с Кирой выросли, ехать было минут двадцать, а казалось, что это разные города. Маша уже привыкла к широким улицам, к сплошному потоку машин и озабоченной, спешащей публике. В центре люди никуда не спешили, они гуляли, смеялись, пили вино и кофе на верандах бесчисленных кафе.

Ее родители жили рядом с Кириными, но Маша всегда приезжала к ним днем, и разница не была так заметна.

В последний раз в квартире Кириных родителей Маша была, когда арестовали Дениса. Они сидели с Кирой в ее комнате и молчали, за стеной рыдала Кирина мама, а Кирин папа ее не утешал.

Кирин папа умер через полгода после ареста сына. Умер скоропостижно, прямо у себя в рабочем кабинете. Маша ходила на похороны и на поминки, что семья устроила в каком-то ресторане.

Мамы у Киры не стало год назад. Маша опять ходила на похороны, но уже чувствовала себя рядом с Кирой совершенно посторонней.

Кода подъезда она не знала, но звонить в домофон не пришлось, из подъезда вышла пожилая пара, и Маша проскользнула внутрь.

В квартиру тоже звонить не пришлось. Оттуда вышел молодой хмурый мужчина, недовольно посмотрел на Машу.

— Я подруга Киры, — решительно сказала Маша. — Она просила меня приехать.

Мужчина не стал ее прогонять, вошел вместе с ней, буркнул:

— Подождите здесь, — и исчез за поворотом коридора.

Она привалилась спиной к косяку двери.

Из глубины квартиры слышались негромкие голоса, появлялись и исчезали люди в полицейской форме и в штатском, без любопытства оглядывая Машу.

В детстве она любила играть у Киры. Машина мама работала дома, заставляла учить уроки, мыть за собой посуду и ужасно мешала, а Кирины родители приходили с работы поздно, и проводить здесь время было сплошным удовольствием.

Подруги прокрадывались к комнате Дениса и смотрели в щелку, чем занят Кирин старший брат. Как правило, Денис сидел за письменным столом. Если замечал девчонок, отгонял их от своей комнаты. Однажды даже дал Маше подзатыльник. Довольно больно, между прочим.

Маша была в Дениса влюблена, пока не встретила Павла.

Наверное, она стояла в коридоре недолго, но ей показалось, что время остановилось.

Потом откуда-то вышел молодой парень в футболке с изображением российского флага на груди, улыбнулся Маше, спросил, кто она такая и где живет.

Маша объяснила, спросила, не показать ли паспорт. Парень отмахнулся.

И тут наконец вышла Кира. Подруга не плакала, только сразу взяла Машу за руку, а Маша ее обняла. Они так и стояли, обнявшись, пока не вынесли тело Дениса и не опустела квартира. Потом квартиру опечатали, и Маша отвезла Киру к ней домой.

Елену Анатолий Михайлович узнал не сразу. Он шел от метро и случайно задержал взгляд на спешащей навстречу женщине. Они уже разминулись, когда он тоскливо подумал — Елена. Она его не заметила, и оборачиваться он не стал.

Елена иногда приезжала к своей сестре, жившей в соседнем с ним доме, и Анатолий Михайлович пару раз ее встречал. Они перекидывались ничего не значащими словами и опять расходились каждый в свою жизнь.

А когда-то ему казалось, что его жизнь — это Елена.

У подъезда Анатолий Михайлович замедлил шаг, даже постоял немного на крыльце, не нажимая кнопки домофона. Идти домой не хотелось. Он подумал, не зайти ли в ближайший ресторан, но тут опять пошел дождь, он неодобрительно посмотрел на свои грязные туфли и наконец вошел в подъезд.

Он уже несколько лет ездил на работу на метро и втайне этим гордился. Своей демократичности он, конечно, не афишировал, и вызвана была демократичность исключительно прагматическими причинами: от дома до метро и от метро до работы было по две минуты небыстрым шагом, и проехать требовалось всего две остановки по прямой, а пробки, несмотря на введенные платные стоянки, московские власти так и не победили.

— Толя! — крикнула из комнаты жена, когда он отпер дверь. — Ты?

— Я! — крикнул в ответ Анатолий Михайлович.

Она не вышла его поцеловать, и он был этому рад. Он понял, что не любит жену давно, когда Але было всего восемь месяцев.

— Аля заходила? — Вымыв руки, он заглянул в комнату.

Жена лежала на диване под пледом, листала какую-то книгу.

— Ты не заболела?

— Нет. — Она отложила книгу, ласково улыбнулась. — Аля заходила утром. Мы немного поиграли с Данечкой, потом он закапризничал, и они ушли.

Дочь жила недалеко от них и забегала почти каждый день.

— Ты голоден?

— Нет. — Анатолий Михайлович тоже постарался ласково улыбнуться жене. — Лежи. Захочу есть, сам возьму.

Он понял, что не любит жену, когда осознал, что не верит ни одному ее слову. Не потому что она постоянно его обманывала, наоборот, он был уверен, что ему она как раз говорит правду.

Просто она как будто постоянно играла какие-то роли, а что она при этом чувствует на самом деле, узнать было невозможно.

Анатолий Михайлович заварил себе крепкого чаю, взял конфету из вазочки, повертел в руках. На пробу положил в рот, оказалось вкусно.

Але было восемь месяцев, когда она безучастно проспала сутки, ненадолго открывая глазки. Они не сразу догадались измерить температуру, и, когда вызвали детскую неотложку, температура оказалась под сорок.

Жена плакала, начинала шептать какие-то молитвы, смотрела на него непонимающими глазами, а он носил больного ребенка на руках, боясь положить в кровать.

Врач выписала какие-то лекарства, он сбегал в аптеку, и вскоре температура упала.

Жена мгновенно успокоилась, заснула, а он сидел возле кровати дочери, трогая рукой влажный лобик, и боялся отойти. Он так и не заснул в ту ночь, а жена ни разу не проснулась.

На следующее утро она опять плакала и опять шептала молитвы, хотя ребенок уже явно выздоравливал, и жалобно просила, чтобы Анатолий немедленно организовал консилиум или что-нибудь в этом роде, а он ей не верил.

Наверное, он был не прав и она действительно искренне переживала за дочь, но слушать ее ему было противно.

Но скорее всего давняя болезнь дочери и вовсе ни при чем и разлюбил жену Анатолий Михайлович просто потому, что никогда и не любил.

Любил он только одну женщину, Елену.

— Толя! — крикнула из комнаты жена. — В холодильнике мясо.

— Спасибо! — крикнул он в ответ.

Раньше ему казалось, что он заболевает, когда не видит Лену несколько дней.

Странно, но сначала она ему не понравилась.

Дочь училась тогда в десятом классе. Он пришел в школу на родительское собрание, уселся рядом с незнакомой худенькой женщиной и совершенно не смотрел в ее сторону. На родительские собрания он всегда ходил сам, не по каким-то специальным соображениям, а просто потому, что так складывались обстоятельства. Жена то болела, то именно в этот день и в это время ей